

СТРАНИЦЫ БЫЛОГО

ТРИ ВСТРЕЧИ
С БУНИНЫМ

10 марта с. г. в нашей газете был опубликован очерк «Сквозь дымку лет» — о непростой судьбе актрисы Варвары Андреевны Костровой, встречавшейся в своей жизни с замечательными писателями и артистами — И. Буниным, В. Маяковским, С. Есениным, Ф. Шляпиным и другими. Сейчас В. Костровой 92 года, она живет в Подмоскovie, работает над книгой мемуаров. Публикуем отрывки из написанных ею воспоминаний.

Немало лет минуло после моих странствий по белу свету, многое из пережитого стерлось из памяти, но отдельные картины прошлого возникают порой так четко и ярко, как на экране. К ним принадлежат и мои встречи с И. А. Буниным.

Севастополь. 1919 год. В тот летний день, когда Анатолий Павлович Каменский предложил мне пообедать вместе с Иваном Алексеевичем Буниным, Черное море было особенно бурным, именно черным, грозно вскипающим белой пеной. В небольшом ресторане на Приморском бульваре Бунин пришел с очень приветливой, красивой женщиной Верой Николаевной Муромцевой.

Писатели оживленно беседовали о делах литературных. Каменский — как всегда добродушно, остроумно. Бунин — желчно, язвительно. Вспоминаю, как он с горечью сказал:

— Различные упаднические течения в нашей литературе — это просто «гнусный балаган». Все эти декаденты, символисты, футуристы, акмеисты и прочие скандалисты уверены в своей гениальности, упоены лишь самими собою. Они совершенно забыли, что настоящий писатель должен чувствовать не только свое личное, но и народное. Писатель или великий счастливчик, или великий мученик!

Каменский улыбнулся и сказал:

— Ты, Иван, конечно, великий мученик.

Бунин ответил иронически:

— Да, мученик, хотя и не великий... Помнишь, как сказал Гете, что будет поэзия без поэзии. — будет мануфактур-поэзия. У нас таких поэтов тьма.

И он назвал несколько известных фамилий.

Я хотела ему возразить, но Вера Николаевна, предупреждая спор, предложила:

— Пойдемте лучше к морю, там должно быть чудесно.

Море было прекрасно. Вера Николаевна и я разговорились о музыке. Писатели шли молча. И вдруг Иван Алексеевич весь как-то преобразился, закричал: «Музыку, музыку!» — подхватил Веру Николаевну и закружил ее в вальсе, затем подскокил ко мне со словами: «Мамзель, приглашаю на мазурку». Мы все дружно расхохотались, восхищенные его актерской импровизацией.

Шторм нарастал, стало холодно, и мы расстались.

В Париже, незадолго до второй мировой войны, на писательском балу я встретила Ивана Алексеевича Бунина второй раз.

Мелькали все те же знакомые лица: все так же шурилась через старомодный лорнет жеманная, увядшая Зинаида Гиппиус, суегились маленький, сухонький Мережковский, разыгрывая светского льва, расшаркивался сочинитель бульварных романов. Около буфета скопились репортеры. Жена режиссера Евреинова, найдя очередную жертву, пожирую, увешанную драгоценностями женщину, уговаривала ее дать деньги на издание книги ее мужа...

Немногочисленная молодежь, говорящая по-русски с французским акцентом, танцевала, но больше увлекалась буфетом.

Было шумно, душно, я собралась уходить, когда в дверях концертного зала возникла стройная фигура Бунина. Он стоял одинокий, чуждый всему, его постарев-

шее, но еще красивое лицо, казалось мраморным. Мы поздоровались, и Бунин спросил, где находится Анатолий Павлович. Я ответила, что Каменский уехал в Москву, но, вероятно, вскоре опять приедет в Париж.

Бунин поморщился:

— Не понимаю Анатолия, охота ему сюда приезжать, здесь эмиграция варилась, варилась в своем соку, сварились и... протухла.

Я невольно улыбнулась — так не подходила та грубая фраза к изысканному бунинскому образу.

— А как же вы сами, Иван Алексеевич, можете жить в такой среде? — задала я ему давно мучивший меня вопрос.

— Я? — Бунин как бы удивился, посмотрел на меня и сказал: — Вспомните прекрасные стихи Баратынского: «Что ж, пусть минувшее исчезло сном легучим, еще прекрасен ты, заглохший «Элизей». Я живу в моем «Элизее», населенном образами, которые я вызвал к жизни, они мне дают и радость, и покой, и мученья. Впрочем, зачем вам это объяснять, вероятно, вы сами пережили что-то подобное, когда писали пьесу «Чаша горя». Я был в театре, видел ее. Хорош ваш мужичок Черти-шо, и сказка его хороша. Вы от кого-нибудь ее слышали?

— Да, — ответила я, — мне ее бабушка, волжанка, рассказывала.

— О снеге, русском снеге у вас тоже верно сказано. Вот здесь зима, а снега нет и нет, а если и выпадет, то мокрый, тяжелый и тотчас же растает.

И вдруг скорбное лицо писателя осветилось почти юной улыбкой, и он сказал: — А наши снежинки легкие, воздушные, помните, какие чудесные узоры мороз на окнах вырисовывал?

В этот момент к Бунину подскокил подслеповатый, маленький, всегда голодный и невыносимо развязный неудавшийся поэт Горянский и закричал:

— Приветствую нашу гордость, лауреата Нобелевской премии!

Бунин помрачнел, недовольно отстранил его, и тот сейчас же исчез.

— Все уверены, что я горжусь получением этой премии. А что она мне дала? Деньги на исходе, а слава? Какая слава, если я русскому народу не нужен...

Я хотела протестовать, но он остановил меня вопросом, скоро ли я поеду в Москву. Я ответила, что надеюсь вскоре услышать Кремлевские куранты, уехать домой.

— Как хорошо вы сказали: «Домой». Именно домой, — почти шепотом сказал Бунин и растроганно продолжал: — Я как-то рано утром проснулся от боя часов на Спасской башне, и мне почудилось, что я дома. Раскрыл глаза — Париж. Это я вечером радио забыл выключить.

Начался концерт, нас разъединили. Вероятно, уже тогда у Бунина созрело то желание, которое он позднее выразил в открытке к писателю Телешову:

— Очень хочу домой. Война разрушила все надежды и планы...

Вторая мировая война. В оккупированных фашистами странах Европы царил голод, холод и стыд. Мучительно было сознавать, что наглые завоеватели попирают все законы человеческой морали.

В горах, лесах, городах и

селах Франции создавались очаги Сопротивления. В них участвовало немало русских эмигрантов. Среди них не было Ивана Бунина, но о том, что, несмотря на жестокую нужду, писатель не устранился от вечеров, нигде не выступал, не дал ни одного слова в продажную прессу, было известно всем, и это многих поддерживало в борьбе с оккупантами. Взоры порабощенных народов с верой и надеждой устремлялись к великой Стране Советов. Именно от нее ждали они помощи в освобождении от фашистского ига. Их надежды оправдались.

Вскоре после окончания войны, в 1946 году, Советское правительство предоставило всем эмигрантам возможность получить советские паспорта. По этому поводу в Париже, в огромном концертном зале, было устроено торжественное празднество. Из Москвы приехали артисты, писатели, журналисты, в их числе К. Симонов, И. Эренбург. Многотысячная толпа истрадавших на чужбине людей слушала их, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово, но когда Константин Симонов прочел свои стихи «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», со всех сторон посыпались сдержанные рыдания. Маленькая старушка, сидевшая рядом со мной, тихонько плакала, крестилась и украдкой, издали крестила писателя, шепча: «Спасибо, родной».

В антракте ко мне подошел худенький, очень бледный старик, я с трудом узнала в нем Бунина.

— Как хорошо! Вам нравится? — спросил он.

От волнения я не могла ответить и только кивнула головой.

— Великолепно выступил Эренбург, — говорил Бунин. — Теперь мне понятно, почему фашисты по радио иступленно хрипели: «Берегись, проклятый Илья» — и сулили большие деньги за его уничтожение. Симонов — настоящий крупный поэт, — продолжал он. — Форма и содержание его стихов безупречны и глубоко эмоциональны. Какие прекрасные образы он создал: «Весь в белом, как на смерть одетый старик», «Седая старуха в салопчике плисовом», попяв бабьим чутьем горькую боль отступающих бойцов, утешала их: «...Родимые, куда идите, мы вас подождем». Ей вторили леса и пашни: «Мы вас подождем». Непобедим народ, веривший даже в самые страшные дни отступления в победу над врагом, гордящийся тем, что русская мать их на свет родила, что, в бой провожая, русская женщина по-русски, три раза их обняла... Я не все точно запомнил, слишком взволновался, по старости чуть не заплакала...

— Дорогой Иван Алексеевич, — шепнула я, — это не старость, а любовь к Родине заставила нас всех взволноваться.

Бунин ласково улыбнулся: — Посмотрите, какие радостные лица! Счастливы, они скоро поедут домой...

— А вы? — невольно вырвалось у меня.

— Я? Я стар, немощен, не повторяя же мне историю Куприна — приехать на Родину и умереть. Я привык давать, а что я могу дать теперь? Я ненавижу старость! Как метко написал Вяземский: «Жизнь наша в старости — изношенный халат: и совестно носить и жаль оставить!»

Очень жалею, что Твардовский и Паустовский не приехали. Но мне обещали прислать их книги, вот и подыщу свежим, родным воздухом.

...Антракт окончился, мы распрощались. На этот раз навсегда.